

Командировка дивизиона лейбъ-драгунъ въ Финляндію въ г. Вильман- страндъ въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 году.

13 іюля 1888 г.

Хюва пейва? Юмаланда ху!
(Встрѣчное привѣтствіе финновъ).

Въ виду обострившихся теперь донельзя нашихъ отношеній съ Финляндіей, можетъ быть не безъинтересно будетъ читателю познакомиться съ прилагаемымъ небольшимъ воспоминаніемъ моимъ о двухъ-недѣльномъ, болѣе чѣмъ пріятно проведенномъ времени въ этой странѣ. Интеллигенція, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея офицеровъ, солдаты да и крестьяне выказывали намъ тогда сильнѣйшую симпатію и радушіе, и объ возможности того случая, какъ напр. убійство русскаго генераль-губернатора Н. И. Б., происшедшаго значительно позже, тогда въ описываемое время двадцать одинъ годъ назадъ, странно бы было и подумать! Кто тутъ виновать, не мнѣ судить! Впрочемъ, спѣшу оговориться, что и въ то время, судя по слухамъ и даже газетамъ, въ нашихъ отношеніяхъ съ финляндцами не все было ладно. Слышно было о частыхъ столкнове-ніяхъ, доходившихъ до дракъ между студентами и русскими моряками въ Гельсингфорсѣ. Разказывали даже, что финскій судъ приговорилъ одного русскаго надворнаго совѣтника, проживавшаго въ Финляндіи на дачѣ, какъ бы вы думали къ чему? выпороть!

Для исполненія этого приговора суда, будто, была послана въ департаментъ, гдѣ служилъ означенный надворный совѣтникъ, пригла-сительная бумага. Вышелъ громоносный скандалъ, финны же от-писались тѣмъ, что у нихъ это произошло отъ незнанія русскаго языка, т. к. они надворнаго совѣтника приняли за дворника. Инте-

*

ресно, могло ли бы что-нибудь подобное у насъ произойти, если бы премьеръ-министромъ былъ бы у насъ прусскій Бисмаркъ, потерявшій бы конечно при этомъ отъ негодованія свои извѣстные три послѣдніе волоска на головѣ! Видимо за 21 годъ система славянской кротости и непротивленія злѣ по отношенію къ покоренной Финляндіи нашего правительства онаглила первую до нынѣшняго уже почти невыносимаго положенія.

Повторяю, что, несмотря на все только-что сказанное, мы лично тогда въ 1888 г. не испытали на себѣ и не замѣтили со стороны финновъ всѣхъ классовъ общества ни тѣни какого-либо недружелюбія или затаенной вражды, а скорѣе напротивъ того, — полное доброжелательство и радушіе. Во время турецкой кампаніи у финновъ собственныхъ войскъ былъ только одинъ гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ, сформированный съ Севастопольской кампаніи, принимавшій участіе въ этой войнѣ, но очень кратковременное, т. к. его вернули съ Балкановъ на родину, по случаю будто образовавшейся у чиновъ этого баталіона тоски по родинѣ?! Затѣмъ послѣ войны въ 1883 г. было образовано опять таки изъ однихъ финновъ еще восемь армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Всѣ эти баталіоны собирались въ лагерь подъ Вильманстрандомъ одинъ разъ въ три года. Кавалеріи при нихъ не было никакой, и вотъ, чтобы познакомить ихъ съ таковою, и состоялась командировка въ этотъ лагерь нашего дивизиона драгунъ.

Еще раннею весною 1888 г. прошелъ слухъ, что наши драгуны пойдутъ лѣтомъ въ Финляндію, но какіе эскадроны, на какой срокъ и вообще пойдутъ ли даже, все это невѣрно и въ точности было не извѣстно. Такая неизвѣстность продолжалась чуть ли не до кануна выступленія назначенныхъ перваго и втораго эскадроновъ нашего полка, при чемъ 1-й эскадронъ выступилъ въ ту же ночь послѣ продолжительнаго смотра днемъ въ присутствіи германскаго Императора 12 іюля. Вотъ этотъ самый пріѣздъ и смотръ Императора германскаго Вильгельма и породилъ неизвѣстность выступленія драгунъ въ Финляндію, начальству было не до того и все, за исключеніемъ встрѣчи, чествованія и проводовъ Вильгельма, затемнялось и отодвигалось на задній планъ. Зато лишь кончился смотръ кавалеріи въ присутствіи обоихъ Императоровъ, нашего и германскаго, какъ вспомнили и про Финляндію, и 1-й эскадронъ, не отдохнувъ послѣ смотра, въ ту же ночь отправился за 40 верстъ въ Петербургъ грузиться на Финляндскую желѣзную дорогу. На долю моего 2-го эскадрона выпала лучшая участь, т. к. онъ выступилъ, отдохнувъ день послѣ смотра, крѣмъ того ночевалъ 13-го въ кавалергардскихъ казармахъ и лишь

14-го іюля утромъ нагружался въ вагоны Финляндской желѣзной дороги. Командировка наша улыбалась какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ нашимъ, т. к. гораздо пріятнѣе было провести намъ пятнадцать дней въ новой невѣдомой странѣ и обстановкѣ, чѣмъ бороздить за это время взадъ и впередъ все то же Красносельское военное поле и его окрестности. Эскадронъ мой въ самомъ радужномъ настроеніи выступилъ изъ д. Нижній, мѣста своей стоянки въ лагерь, въ пять часовъ по полудни. Интересно, руководствуясь какою грамматикою чухонская деревня наша называлась „Нижній“, название это было официально подписано и на досчкѣ у входа въ деревню. Если деревня, то должна бы быть „Нижняя“, наконецъ „Нижнее“, но ужъ никакъ не „Нижній“. Пройдя военное поле, эскадронъ втянулся въ кажется единственную и безконечную улицу Краснаго Села, вызванные пѣсельники пѣли особенно дружно. Это вызвало кое-гдѣ вышедшихъ поглазѣть на впрочемъ уже пріѣвшагося имъ картину проходящаго эскадрона, долговязыхъ кирасиръ. Налѣво у штаба нашей дивизіи вышелъ и нач-къ ея, нашъ добродушный старичекъ В. и вдругъ совершенно неожиданно поздоровался съ эскадрономъ словами: „здорово, молодцы гренадеры!“ Всѣ пришли въ недоумѣніе, тѣмъ не менѣе, солдаты, какъ всегда, отвѣтили на привѣтствіе дружно.

Смѣшать драгунъ съ гренадерами было болѣе, чѣмъ странно и непонятно, разница огромная и въ формѣ, и въ лошадяхъ, ихъ сортѣ и масти. Нескончаемая улица съ ея неказистыми, беспорядочными постройками сель Проташинскаго и Павловскаго, изъ которыхъ собственно и составилось Красное Село, подъ конецъ порядочно-таки надоѣла намъ. Отъ военнаго поля до церкви идутъ еще красивыя и интересныя постройки различныхъ штабовъ, дворцовъ, а затѣмъ направо и налѣво тянутся не то кабаки, не то грязныя постоянныя двory, и видно, что, кромѣ стоящихъ тутъ постоекъ кирасиръ, живутъ здѣсь какія-то темныя личности и живетъ большинство ихъ здѣсь лишь временно—лѣтомъ. Личности эти, какъ саранча насѣла на гвардейскіе полки, съ уходомъ которыхъ изъ лагеря и вся эта мразь оставляетъ свои грязныя конуры и перелетаетъ индѣ за недостаткомъ матеріала для эксплуатаціи. Подрядъ видны грязныя вывѣски разныхъ торгашей и ремесленниковъ, преимущественно евреевъ, портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ и т. п.

До знаменитой 11-й версты отъ Петербурга, гдѣ стоитъ сумасшедшій домъ, идти еще было сносно, потомъ же въ деревняхъ Автовѣ, Тентелевѣ, обратившихся съ возрастаніемъ Петербурга въ его предмѣстія, и до Триумфальныхъ воротъ, версть пять, мы двигались въ какомъ-то душномъ сѣромъ мракѣ, отъ пыли и чада на-

ходящихся здѣсь фабрикъ и заводовъ; до поливки же шоссе, какъ это дѣлается въ городѣ, деревенская администрація Автова и Тентелева тогда еще не доросла. Особенно старается портить воздухъ огромный чугунно-литейный заводъ налѣво, внутренность котораго даже издалека представляется какимъ-то адомъ кромѣшнымъ; что-то безъ отдыха тамъ шумитъ, кипитъ и горитъ. Бѣдные рабочіе, чѣмъ только они дышатъ тамъ въ этомъ пеклѣ, когда и на улицѣ стоитъ іюльская духота, пыль и смрадъ большого города. За Триумфальными воротами начался уже порядокъ болѣе или менѣе благоустроеннаго города: мостовая подметена и полита, дышать стало легче. Вскорѣ появился полицейскій чинъ, ожидавшій, почему-то, по его словамъ, прихода эскадрона съ 3-хъ часовъ дня, а было это 11 часовъ вечера! Можно научиться терпѣнію! Чиновникъ этотъ ѣхалъ на извозчикѣ и указывалъ эскадрону путь, иначе, при нѣскольکو скудномъ лѣтнемъ освѣщеніи столицы и не твердомъ ея знаніи, мы бы не скоро добрались до своей цѣли—кавалергардскихъ казармъ.

Эскадронъ шелъ по городу не безъ эффекта, такъ какъ всякое встрѣчное намъ движеніе полицейскій пріостанавливалъ. Благодаря относительной темнотѣ, эскадронъ какъ бы утродился и протянулся по улицѣ такъ, точно ему и конца не было. Обыватели съ недоумѣніемъ смотрѣли, куда это, въ такое неурочное позднее время двигается конница. Солдаты мои тоже съ любопытствомъ таращили свои глаза на грандіозныя зданія столицы. Только около часу ночи, послѣ восьми-часового похода, мои драгуны слѣзли у кавалергардскихъ казармъ, что на Захарьевской. Здѣсь обязательный квартирмейстеръ кавалергардскаго полка, поручикъ Г., указалъ эскадрону конюшню и все необходимое, а заранѣе высланный кашеваръ хохоль „Коврига“, приготовилъ уже сильно проголодавшимся солдатамъ улѣченный ужинъ. На другой день, 14-го іюля, въ 8 часовъ утра, эскадронъ потянулся справа по три по Захарьевской, Литейной и т. д. къ Финляндскому вокзалу. Лошадей погрузили въ вагоны не болѣе, какъ въ полтора часа времени, артачившихся здоровенные молодцы драгуны мигомъ, чуть не на рукахъ, вносили въ вагонъ. Въ вагоны на Финляндской жел. дор. ставятъ лишь по 6-ти лошадей. На вагонахъ подписи уже не русскія. Съ одной стороны дверей написано *6 heresti*, а съ другой — *6 stare*, предоставляю лингвистамъ разобратъся, которая надпись по-шведски и которая по-фински, какъ можно догадаться. На Финляндскомъ же вокзалѣ, согласно совѣта, пришлось помѣнять на финскія нѣскольکو русскихъ денегъ, марку давали за 43 копейки, это вмѣсто 25 коп.

Не слишкомъ ли церемонились мы съ финнами, если послѣд-

нихъ забавляло имѣть собственную монету, то пускай хоть имѣли бы и принудительный курсъ при размѣнѣ ея на русскую. Я впрочемъ плохой финансистъ и не знаю, осуществимо ли бы это было на практикѣ.

Въ 12 ч. 15 м. финскій кондукторъ въ европеизированной формѣ далъ свистокъ, и поѣздъ тронулся, повезъ онъ трехъ офицеровъ, 142 драгуна и 140 лошадей. Сначала за Петербургомъ слѣдовали извѣстныя дачныя мѣста и станціи: Удѣльная, Ланская, Озерки, но вскорѣ пошли уже станціи съ специфическими финскими названіями: Теріоки, Райвола и всяческія Ярви. Выданный намъ заранѣе подробный маршрутъ слѣдованія нашего воинскаго поѣзда съ точнымъ указаніемъ остановокъ и мѣстъ для водопоя лошадей оказался совершенно перепутаннымъ: гдѣ, напр., назначены водопой, поѣздъ почему-то почти не стоялъ на станціи и наоборотъ, причемъ ѣхавшій съ нами для порядка и всяческаго содѣйствія ротмистръ, комендантъ поѣзда, ни этому порядку, да ничему для насъ полезному совершенно не способствовалъ. Освѣдомленнымъ онъ оказался меньше нашего, по крайней мѣрѣ, онъ насъ же спрашивалъ: „Вы не знаете, гдѣ будетъ большая остановка?“ или „Когда мы будемъ въ Выборгѣ?“ Своими не къ лицу фатоватыми манерами, а главное, небрежно обиднымъ обращеніемъ съ этими чухнами, какъ онъ называлъ поѣздную прислугу и чиновниковъ на станціяхъ, ротмистръ этотъ, конечно, не могъ способствовать зарожденію симпатіи къ намъ, русскимъ, со стороны финляндцевъ. Самая фізіономія нашего коменданта поѣзда отъ искренняго или напускнаго будированія имѣла такое выраженіе, какъ будто онъ все время нюхалъ что-то непріятное. На остановкахъ люди выпускались по сигналу трубача-ученика, хорошіе же трубачи остались при полку въ Красномъ Селѣ. Зато, я думаю, впервые Финляндія огласилась за нашъ проѣздъ такими фальшивыми звуками кавалерійской трубы! Трубачъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ киксовъ или тщетныхъ попытокъ произвести желанный звукъ, наконецъ издавалъ его кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, при чемъ, начавъ сигналъ въ одномъ тонѣ, обязательно оканчивалъ его въ другомъ. Разъ предательская труба сигналиста издала такой необыкновенный звукъ, что заставила заговорить даже извѣстнаго молчальника солдата Гусева, онъ сплюнулъ и изрекъ: „Ну и играетъ, чортъ!“ По приходѣ на станціи солдатамъ трудно было удержатъ въ вагонахъ, все это рвалось поглазѣть поближе на новое. Не меньшее любопытство написано было на мордахъ высунувшихся кое-гдѣ изъ не притворенныхъ дверей вагоновъ лошадей. Нѣкоторые глаза „Васекъ“, „Мишекъ“ и „Машекъ“, какъ обыкновенно ласкательно зовутъ своихъ лошадей вла-

дѣльцы ихъ, казалось, только-что не говорили: „А вѣдь любопытно, право!“ По бокамъ, однако, большею частью тянется очень однообразная лѣсистая мѣстность. Около семи часовъ вечера показались постройки Выборга, по-фински „Випури“.

Поѣздъ остановился, не доходя нѣсколькихъ сотенъ шаговъ до вокзала, вѣроятно, на запасномъ пути, такова уже обыкновенно участь воинскихъ поѣздовъ въ этомъ случаѣ, участь оставлять дорогу для публики почище. Офицерство наше бросилось на вокзалъ, чтобы успѣть поужинать, тѣмъ болѣе, что и поѣздъ, вмѣсто обѣщанныхъ 40 мин. маршрутомъ, стоялъ только 20 мин. На вокзалѣ, кромѣ холодной, правда, довольно обильной закуски, другого готово ничего не оказалось. Мы прилегли на закуску, стараясь непременно все выставленное съѣсть, по крайней мѣрѣ, чтобы было понятнѣе, какъ придется расплачиваться, а то гдѣ же запомнить, сколько каждый и именно чего взялъ кусочковъ изъ закуски, да и съ прислугою, ничего не понимающею по-русски, тоже не разговоришься. За всю закуску взяли семь марокъ, по курсу около 3-хъ рублей, что вышло вовсе недорого, такъ какъ насъ закусывало и хорошо закусило цѣлыхъ шесть человекъ. Отъ станціи Симола поѣздъ нашъ видимо оставилъ главный путь на Гельсингфорсъ и круто поплылъ на сѣверъ, а черезъ полтора часа, т. е. въ 9 час. 20 мин. вечера, подкатилъ къ деревянной платформѣ вокзала г. Вильманстранда, Красному Селу финскихъ войскъ. Кругомъ масса финскаго офицерства въ ихъ скромныхъ мундирахъ, множество дамъ. Встрѣчу и приѣмъ сдѣлали намъ такой, что не знаешь, что дѣлать и какъ тутъ благодарить. Генералы представляются сами, финскіе солдаты не даютъ переносить вещи нашимъ драгунамъ, а сами ихъ подхватываютъ, дамы глядятъ выводимыхъ и немного очумѣвшихъ отъ путешествія въ вагонахъ лошадей нашихъ, а нѣкоторыхъ даже кормятъ сахаромъ. Всѣ мы, какъ офицеры, такъ и солдаты тотчасъ же приглашены къ столу. Особенно я радовался за своихъ солдатъ, вѣроятно, страшно проголодавшихся, такъ какъ ѣли они, даже обѣдали въ этотъ день еще въ Петербургѣ, въ семь часовъ утра, до выступленія изъ кавалергардскихъ казармъ для нагрузки въ поѣздъ. Время обѣда по необходимости было выбрано для нихъ далеко не аристократичное!

Выведенныхъ изъ вагоновъ лошадей привязали уже почти въ полной темнотѣ тутъ же у изгороди, при нихъ оставлено необходимое число драгунъ для присмотра, остальные всѣ направились къ тутъ же недалеко, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, разставленнымъ въ сосновой рощѣ войскового лагеря и положительно ломящимся отъ питій и яствъ столамъ. Столы для солдатъ освѣщены свѣчками,

покрыты скатертью и сервированы не по-нашему: тарелки мелкія, глубокія, чашки, вилки, ножи и ложки; на cadaго драгуна отдѣльный сервизъ, словомъ, какъ говорится, „Европа, да и только!“ Известно, что, въ противность вышеописанному, наши, какъ крестьяне, такъ и солдаты хлебають по нѣсколько человекъ изъ одной миски, въ зависимости отъ величины ея и, кромѣ деревянной ложки, другихъ приспособленій для ѣды не употребляютъ. Угощеніе солдатамъ вышло на славу, подавалось: картофельный супъ, пироги, два мясныхъ блюда, пиво и водка. Одинъ старослужащій фельдфебель-финнъ, съ чаркой въ рукѣ, держалъ рѣчь, обращенную къ нашимъ драгунамъ, прииѣрно въ такихъ словахъ: „Ми рады молодымъ драгоны, что ви приѣкали къ намъ. Ви будетъ показывать нашимъ молодымъ солдатамъ, какъ защищаться имъ противъ атакъ кавалеріи“... и еще что-то въ такомъ родѣ; затѣмъ, конечно, „пьемъ ваше здоровье!“ По настоящему и моему молодому вахмистру слѣдовало на рѣчь отвѣтить рѣчью, но гдѣ же было ему это исполнить, да еще экспромптомъ; я поспѣшилъ выручить его, крикнувъ, обращаясь къ своимъ драгунамъ: „За здоровье, братцы, молодецкаго финскаго войска, столь радушно встрѣтившаго насъ“. „Ура!“ „Ура“ подхвачено дружно. Впрочемъ, драгуны не менѣе дружно, но, къ сожалѣнію, совершенно несвоевременно гаркнули „ура“ за самихъ же себя, когда его провозгласилъ финскій фельдфебель въ концѣ своей рѣчи за драгунъ же, обращаясь къ своимъ финляндцамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что они, какъ и нужно было ожидать, изъ рѣчи фельдфебеля ровно ничего не поняли. Насъ, офицеровъ обоихъ эскадроновъ, тоже повлекли упитывать и упивать въ офицерскій клубъ, расположенный тутъ же недалеко въ хорошенькомъ павильонѣ.

Симпатичный, слоноподобный первоприсутствующій генералъ N. усиленно приставалъ къ намъ, чтобы мы больше пили, говоря, что иначе онъ пожалуется нашему шефу, которому онъ обязанъ потому дать во всемъ отчетъ. „Вы знаете, господа, что я, сознаюсь откровенно, — говорилъ онъ, — и въ люди вышелъ потому, что умѣю хорошо пить; такихъ любятъ“. Красная, точно налитая виномъ, громадная туша бѣлокурого генерала и безъ его словъ свидѣтельствовала о его вкусахъ и увлеченіяхъ. Кстати, генералъ N. вспомнилъ былое время, когда онъ, будучи еще корнетомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, стоявшаго тогда еще не въ Варшавѣ, а у насъ же, на Волховѣ, отбывалъ свой арестъ по сосѣдству съ расположеніемъ своего полка, въ штабѣ нашего полка. „Весь арестъ свой провелъ я, — говорилъ N., обращаясь къ намъ, — не выходя изъ-за карточнаго и закусочнаго стола; и я, какъ вашъ должникъ,

обязанъ теперь угощать васъ, насколько только это возможно“. Между прочимъ, какъ нарочно, составъ нашего наличнаго офицерства былъ тогда, кромѣ двухъ, самый трезвенный, начиная съ командира нашего дивизиона, милѣйшаго полковника Г., сохранившаго, можетъ быть благодаря этому, и въ сорокъ лѣтъ розовыя щеки, свѣжесть и невинность вкуса малаго ребенка, такъ какъ засыпалъ ежедневно со сладкими бульдегомами во рту и подъ подушкой. Придравшись къ тому, что эскадронъ пора и необходимо мнѣ вести лично на ночлегъ, я, однако, все-таки не ранѣе, какъ часа черезъ полтора вырвался изъ гостепріимнаго финляндскаго клуба. У солдатскихъ столовъ еще кое-кто изъ драгунъ, вѣроятно, дежурныхъ и дневальныхъ, не попавшихъ въ первую очередь угощаться, дожиновали. Прокричавъ еще „ура“ за гостепріимныхъ хозяевъ, несмотря на темноту (было 12 часовъ ночи), привычные драгуны живо поосѣдлали лошадей, и мы, по указанію любезнѣйшаго капитана Л., почти общаго знакомаго нашей молодежи, которую онъ, еще всѣмъ недавно, обучалъ стрѣлковому дѣлу въ кавалерійскомъ училищѣ,—потянулись съ громкими пѣснями по невѣдомымъ мѣстамъ къ невѣдомой стоянкѣ нашей. Направо и налево отъ дороги, недалеко за городомъ, тянутся маленькіе поселки, въ которыхъ, несмотря на темноту, уже замѣтны слѣды расположенной конницы: то былъ нашъ 1-й эскадронъ; кое-гдѣ видны кучки выгребеннаго изъ конюшенъ внаружу солоمیстаго конскаго навоза; на черномъ фонѣ неба чернѣются все-таки затѣйливыя вывѣски изъ соломы, въ которое подобіе хоругвей, на которыхъ условно красивыми кисточками обозначены №№ взвода и число расположенныхъ въ одной конюшнѣ лошадей. Пройдя около двухъ верстъ отъ города, эскадронъ разбился на двѣ части: одинъ полуэскадронъ пошелъ со всѣми офицерами въ д. Ювака, а другой—съ однимъ вахмистромъ, за немѣніемъ офицерскихъ квартиръ, въ д. Куруламяки. Въ означенныхъ деревняхъ мы нашли уже все приготовленнымъ къ нашему приходу: для кухонь сложены новыя печи; офицерскія квартиры вымыты и вычищены; все предусмотрено до мельчайшихъ подробностей; заготовлены дрова, доски, гвозди различной величины и даже уголь для самовара. Подобная предупредительность очень пріятно подѣйствовала на насъ, столь мало избалованныхъ въ этомъ отношеніи приѣмомъ нашихъ собственныхъ чухонъ въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ. Способъ стройки у крестьянъ—такой же, какъ, на примѣръ, у колонистовъ - латышей въ Новгородской губерніи: поселки все небольшіе, живутъ хуторами, вмѣстѣ не болѣе двухъ-трехъ семействъ, что такъ подходитъ къ нелюдимости финскаго крестьянина. Между этими скучными поселками и развеселою, осо-

бенно въ праздникъ, широкою и длинною улицей русской деревни, съ шумящими на ней заведеніями, гармониками и хороводами дѣвочекъ, ничего нѣтъ общаго. Здѣсь праздникъ узнается только потому, что кое-гдѣ изъ домовъ обывателей слышится гнусавое, точно похоронное, пѣнье псалмовъ.

Впрочемъ, финляндскій крестьянинъ тоже, говорятъ, много пѣетъ, при чемъ дуетъ онъ чуть не голый спиртъ; но и вино его скучное, замкнутое, такъ сказать не экспансивное — ни крика, ни пѣсенъ, ни ругани; хотя пустить въ дѣло свой финскій ножъ онъ, говорятъ, долго не задумается. Интеллигенція, обыкновенно болѣе обезпеченная сравнительно съ крестьянами, и пѣетъ больше ихъ; сколько уничтожается ею шведскаго пунша — говорятъ, уму непостижимо. Самое количество и разнообразіе возбуждающихъ жажду закусокъ, обыкновенно подаваемыхъ вездѣ въ Финляндіи, показываетъ, что финская нація умѣетъ пить и много пѣетъ. У трехъ хозяевъ нашихъ, собственно и составляющихъ со своими семьями всю деревню Юваки, дома не выходятъ даже на дорогу, а построены нѣсколько въ сторонѣ отъ нея; кругомъ cadaго дома настроена цѣлая система сарайчиковъ всѣхъ калибровъ, обступившихъ точно дѣти свою мать. Архитектура строеній, впрочемъ это и не у однихъ мужиковъ, очень не затѣлива: дома построены коробочками, съ мелкими крышами, безъ всякихъ выступовъ и балконовъ. Странно, что красота природы, хотя и угрюмоватая, совершенно не отразилась на развитіи у финляндскаго населенія архитектурнаго изящества.

Въ финскомъ народѣ, видимо, сравнительно съ нашимъ болѣе развито уваженіе къ законности и чужой собственности. Мнѣ случилось видѣть навѣшенные замки на животрепещущія, чуть не изъ жердочекъ сдѣланныя, подобія воротецъ въ такомъ же, даже не сплошномъ, заборѣ, что-то отдѣляющемъ. Низкій заборецъ этотъ можно было не только вездѣ перелѣзть, но даже и пройти въ его перерывахъ. Однако, замокъ виситъ, и если онъ ничего не запираетъ — значить, это не болѣе, какъ символъ, что проходить тутъ нельзя. Вѣроятно, и не проходятъ, иначе зачѣмъ же было вѣшать и самый замокъ. Въ будни жителей почти не видно — они бывають на работѣ. Въ праздники мы увидѣли всѣхъ нашихъ сѣверныхъ венгерцевъ (вѣдь, финны — одного съ нимъ племени: я видѣлъ и тѣхъ, и другихъ). Но, Боже мой, что за разница! Благодатный югъ первыхъ изъ того же племени сдѣлалъ чуть-ли не поголовныхъ красавцевъ, съ ихъ огненными черными глазами и молодецкими, быстрыми ухватками. Здѣсь же — почти сплошное безобразіе: угловатая черта лица, съ безжизненными, какъ у варенаго судака, глазами. Въ pendant къ этому, — конечно, и вялость во всѣхъ дви-

женіяхъ и ухваткахъ. Мужчины, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе походить на обезьянъ, выбриваютъ себѣ усы, баки и бороду, и, понятно, выбриваютъ не чисто и не очень часто, оставляя расти волосы лишь сзади, за щеками и подъ подбородкомъ. По-русски крестьяне говорятъ и понимаютъ очень мало; ихъ же прекрасная половина, какъ болѣе консервативная и болѣе сидящая дома—абсолютно по-русски ни гу-гу.

Очень интересны здѣсь книксены, дѣлаемые при привѣтствіяхъ финскими бабами. Откуда только онѣ переняли эти институтскія манеры?!

На другой день, облекшись въ парадную форму, отправились мы явиться по начальству и отвизитировать, по крайней мѣрѣ, старшихъ, т.-е. командировъ баталіоновъ. Всѣхъ по финляндскому выговору „патальона“, батальоновъ, девять, одинъ изъ нихъ гвардейскій, всѣ они стрѣлковые.

Армейскіе стрѣлковые баталіоны назывались по городамъ и губерніямъ, гдѣ они формируются и стоятъ, напр. Абоскій, Куопіоскій, Нюландскій и т. д. Батальоны эти со всѣхъ концовъ Финляндіи собирались въ лагерь подъ Вильманстрандъ въ три года разъ. Говорятъ, во всей пересѣченной Финляндіи нашлось только подъ Вильманстрандомъ небольшое военное поле въ полторы версты длиною и въ полъ-версты шириною, пригодное для устройства лагеря и производства обученія для такого сравнительно большого количества, какъ 9 баталіоновъ пѣхоты, войскъ. Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной сосновой рощѣ и щеголялъ своимъ порядкомъ и чистотою. На наше счастье мы почти никого дома не застали, т. к. всѣ въ это время обѣдали въ клубѣ, что значительно сократило наше время визитовъ. Затрудненіе главное представлялось въ томъ, что опрашиваемые солдаты ничего не понимали по-русски, спасибо подвернувшемуся тутъ финскому офицеру, адъютанту съ эксельбантами,—финскіе офицеры всѣ говорятъ по-русски,—который, во-первыхъ сообщилъ намъ фамиліи батальонныхъ командировъ, фамиліи эти всѣ были въ родѣ: „Кремеръ, Бремеръ, Дремеръ“ и, конечно, уже Прокопе, фамилія, кажется, особенно излюбленная въ Финляндіи; во-вторыхъ, научилъ насъ спрашивать у солдатъ не командира, а примѣняясь къ финскому, произносить „комендѳръ“, тогда, молъ, только солдаты поймутъ насъ. Совѣтъ его намъ вполне пригодился. На другой же день эти комендѳры намъ отдали визитъ. За время нашего пребыванія въ Вильманстрандѣ финскіе офицеры положительно носили насъ на рукахъ, куда только не покажешься, начинаютъ усиленно угощать, а въ ресторанахъ не позволяли расплачиваться. Вскорѣ, однако, это ужасно надоѣло и стѣс-

няло до безконечности, порождая необходимость не выходить цѣлые дни изъ мундира и все расплачиваться визитами. Изъ чествованій, нами полученныхъ, а для меня не пьющаго, вѣрнѣе сказать, претерпѣнныхъ, особенно выдѣлился вечеръ, данный финскими офицерами, и вечеръ, данный артиллеристами русской бригады, т. к. у финновъ своей артиллеріи совсѣмъ не было. Вечеръ у финновъ былъ безъ дамъ съ исключительною цѣлью выпить. На вечерѣ выпито масса вина, произнесена масса рѣчей все больше по нашему адресу. Прекрасныя рѣчи говорилъ генералъ А., к—ръ гвардейскаго батальона, онъ академикъ и отлично владѣетъ русскимъ языкомъ, грудь его украшена офицерскимъ Георгіемъ за Хивинскую кампанію.

Какъ онъ попалъ въ послѣднюю, А. объяснилъ это тѣмъ, что онъ всегда стремился туда, гдѣ пахнетъ порохомъ, отъ себя прибавимъ, и гдѣ пахнетъ вѣроятно виномъ. Генер. А. своей колоссальною фігурой выдѣлялся среди финскаго офицерства, онъ умудрился почти всѣхъ ихъ перерости, хотя это было не такъ-то легко, т. к. между ними крупные люди не въ рѣдкость. А съ его бѣлыми, какъ ленъ, нѣсколько вьющимися волосами, голубыми глазами, розовыми пухлыми щеками и съ вообще весьма правильными чертами напоминалъ даже херувима. Рѣчь А. въ честь нашего полка сказала блестящую, тутъ была и кровь молодыхъ нашихъ офицеровъ, убитыхъ подъ Новачиномъ въ послѣднюю Турецкую кампанію на защищаемыхъ ими орудіяхъ, тутъ была и наша теперешняя блестящая служба въ мирное время, тутъ была и благодарность финскаго войска августѣйшему шефу нашему начальнику всей гвардіи, приславшему какъ особенную милость этому войску именно эскадроны своего полка. Говорилъ А. чуть не цѣлый часъ, говорилъ складно, увлекательно, выказавъ при томъ отличную память и основательное знаніе дѣйствиій гвардіи въ войну 1877—1878 гг. вообще, а нашего полка въ особенности. Своею рѣчью А. сумѣлъ настроить всю аудиторію, такъ что мы должны были вырасти въ глазахъ ея въ какихъ-то героевъ, становилось даже не ловко, т. к. взгляды и вниманіе присутствующихъ, а ихъ было болѣе сотни, были устремлены на нашу маленькую кучку изъ семи всего человѣкъ представителей нашего полка. Во время рѣчи наэлектризованные своимъ ораторомъ финны то и дѣло восторженно поддакивали ему возгласами „браво“! или „вѣрно“! а по окончаніи рѣчи бросились особенно сердечно пить за наше здоровье. Отвѣчалъ на рѣчь А. нарочно пріѣхавшій на этотъ день нашъ остзейскій нѣмецъ, командиръ, и, будучи старшимъ представителемъ нашего русскаго полка, говорилъ по-русски хуже всѣхъ ораторовъ, природныхъ финновъ, не говоря уже про Демосеена А. Свою не-

складную рѣчь командиръ нашъ уснащаль по обыкновенію своими досадными вставками: э, э, э! а началъ рѣчь съ того, что онъ отказывается и не въ правѣ считать себя природнымъ драгуномъ, это, конечно, и вѣрно, но, казалось бы, въ данный моментъ лучше бы этого было не подчеркивать, а главное досадно то, что, сказавъ отвѣтную рѣчь, онъ этимъ отнялъ возможность произносить таковую нашему рѣчистому полковнику дивизіонеру, который не преминулъ бы скрасить эту рѣчь, конечно, какимъ-нибудь экспромтнымъ стихомъ.

На финскомъ вечерѣ присутствовали оба брата графа Г. Одинъ изъ нихъ былъ самъ генераль-губернаторъ Финляндіи. Послѣдній одѣтъ былъ въ формѣ гвард. финскаго стрѣлковаго баталіона, хотя, кажется, никогда въ немъ не служилъ.

Генераль-губернаторъ, очень почтенный старый человекъ съ бѣлыми волосами и бородой, внимательно прослушивалъ всѣ рѣчи и тщательно ихъ записывалъ, будучи самъ стенографомъ.

Другой братъ генераль-губернатора изображалъ изъ себя совершенно согбенную высохшую развалину въ формѣ адмирала, и какъ это ни странно, развалина эта все время мурлыкала себѣ подъ носъ мотивчики изъ оперетокъ.

Корпусный к-рь, природный, съ глазами на выкатѣ, бѣлокурый, могучій, тоже налитый шведскимъ пуншемъ, финнъ или шведъ, хотя и съ венгерской фамиліей. Этотъ былъ ужъ совсѣмъ не рѣчистъ и всякимъ рѣчамъ предпочиталъ усиленное опоражниваніе бокаловъ вина. Когда ему по его высокому по табели о рангахъ положенію приходилось сказать рѣчь, онъ былъ кратокъ: „Г.г., выпьемъ за здоровье такого-то или такихъ-то,“ затѣмъ гаркнетъ натужившись такъ, что при его комплекціи становилось страшно, чтобы ему не лопнуть; „ура!“ и сразу опрокинетъ бокаль въ ротъ. На русскія рѣчи на этомъ финскомъ вечерѣ вообще очень не везло. Четыре рѣчи нашихъ старшихъ русскихъ артиллеристовъ были изъ рукъ вонъ плохи. Одному батарейному к-ру мѣшала говорить нестерпимая отрывка и икота; тутъ уже не до рѣчи, другой батарейный предложилъ выпить за что-то русскую чашу, это въ финскомъ-то клубѣ и на финской посудѣ?! Сильно охмѣлившій толстый, артиллерійскій капитанъ предложилъ, для меня, по крайней мѣрѣ, уже совершенно непонятный, тостъ не то за трехъ дѣвушекъ, не то за трехъ дѣдушекъ финской арміи: „какого-то Гольфстрема, Кольдстрема и еще какого-то Стрема“?!

При чоканіи финляндцы вмѣсто Кавказскаго „Алаверды“ приговариваютъ неизмѣнно „скоу“. Можете представить, какъ они приставали къ намъ съ этимъ своимъ „скоу“. Вскорѣ на вечерѣ же

была получена отвѣтная телеграмма нашего августѣйшаго шефа: „Благодарю финскія войска за радушный приѣмъ, сдѣланный моимъ дорогимъ драгунамъ“.

Не дурень былъ на вечерѣ городской бургомистръ, его штатскій костюмъ, на плотной, опять таки обильно, вѣроятно, вспоенной пивомъ и шведскимъ пуншемъ, фигурѣ съ наидобродушнѣйшей въ мѣрѣ, плоской и красной, фізіономіей, рѣзко бросился въ глаза среди исключительно однихъ военныхъ людей.

Едва произнесли въ рѣчи, сказанной по-русски въ честь его, его фамилію и должность, какъ бургомистръ нашъ превратился въ какое-то приторное блаженство, кажется, вотъ сейчасъ совсѣмъ растаетъ человѣкъ!

Кстати еще о понятливости финновъ. Достаточно было нашему полковнику, ища по городу за чѣмъ-то названнаго бургомистра, назвать его бурмистромъ, т.-е. въ сущности пропустить лишь одинъ слогъ „го“, чтобы никто его не понялъ. Это вышло повтореніе, смотри выше, относительно финскаго „комендѳра, вмѣсто русскаго почти вѣдь того же „командиръ“.

Ужинъ кончился въ два часа ночи, всѣхъ драгунъ при выходѣ финны качали.

На другой день, 15 іюля, въ микроскопической крѣпости производилось богослуженіе, шествіе на іорданъ и парадъ войскамъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Войска стояли шпалерами по узкой въ крѣпость дорогѣ, по которой проходила церковная процессія. Ближе къ маленькой и, конечно, единственной православной въ Вильманстрандѣ церкви, поставлены драгуны и православные, не понимающіе, однако, ни слова по-русски, изъ финскихъ баталіоновъ. Служилъ выборгскій епископъ, рѣдкій по красотѣ и внушительности человѣкъ. За церемоніальный маршъ на парадѣ драгуны наши кромѣ, такъ сказать, шаблоннаго „спасибо“ генераль-губернатора, заслужили и одобреніе публики, изъ среды которой слышались по-русски возгласы въ родѣ: „Ай да молодцы драгуны, видать, что гвардія“. Подобное особенно пріятно было слышать намъ, т. к. конкурировать въ пѣшемъ строю съ финской пѣхотой, замѣчательно вымуштрованной, было не такъ-то легко!

На другой день послѣ празднованія 900-лѣтія крещенія Руси эскадронъ долженъ былъ принять участіе въ ученіи съ финской пѣхотой. Передъ выступленіемъ вахмистръ доложилъ мнѣ, что люди здѣсь скучаютъ и ждутъ не дождутся, когда они вернутся въ Россію“. „Отчего?“ спрашиваю. Отвѣчаетъ: „Говядина очень плоха, какая-то постная!“ Вотъ такъ своеобразная оцѣнка страны лишь

со стороны получаемого въ ней въ пищу мяса! Я-то въ своей наивности предполагалъ, что они подобно мнѣ не налюбуются и не надивятся достаточно новой живописной страной, ея обитателями, особенно послѣ столь прискучившаго Краснаго Села и его окрестностей и нашихъ новгородскихъ болотъ, мѣста постоянной стоянки полка! По приходѣ на военное поле эскадронъ по числу выведенныхъ 2-хъ финскихъ баталіоновъ раздѣлился тоже на-двое. Предложено было эскадрону сдѣлать сначала небольшое ученье, чтобы познакомить финновъ съ видомъ кавалеристовъ. Затѣмъ разсыпанная цѣпь драгунъ проходила разными аллюрами сквозь разсыпанную же пѣхотную цѣпь. Потомъ начались тактическія ученія баталіоновъ, а драгунамъ предложено было производить при этомъ рядъ атакъ какъ на цѣпи, и ея поддержки, такъ и на сомкнутыя части боевого порядка баталіоновъ, то съ фронта, то съ фланга, то съ тылу.

Невозмутимо хладнокровные финны сразу освоились съ видомъ кавалеристовъ и совершенно спокойно встрѣчали конныя атаки драгунъ выдержанными залпами.

Для атакъ эскадронъ разбился, согласно желанію баталіонныхъ к-ровъ, руководившихъ учениемъ, на четыре взвода, такъ что самостоятельными командирами взводовъ являлись не только младшіе офицеры, гдѣ они были, но и взводные унтеръ-офицеры, гдѣ таковыхъ не было; офицеровъ у меня всего было двое. Приходилось поэтому носиться мнѣ по всему военному полю и быть, такъ сказать, вездѣ-сущимъ, чтобы драгуны мои нигдѣ не ударили въ грязь лицомъ передъ финнами.

Попало же бѣднымъ лошадамъ нашимъ на этихъ финскихъ ученияхъ; глядя на непрерывныя атаки взводовъ и запыхавшихся поэтому и покрытыхъ мыломъ лошадей, мое сердце, сердце эскадроннаго отвѣтственнаго командира, обливалось кровью, зная въ особенности строгія требованія нашего кавалерійскаго начальства относительно добраго состоянія тѣла строевыхъ лошадей. Пѣхота вообще имѣетъ, а финская и, тѣмъ болѣе того, имѣла, видимо, самыя слабыя понятія о выносливости лошадей и о томъ, что болѣе двухъ-трехъ атакъ подъ-рядъ, безъ большого отдыха, конница дѣлать не можетъ, иначе вѣдь можно перезапалить массу лошадей. Замѣтить к-мъ баталіоновъ, что лошадямъ слишкомъ тяжело производить такіе эксперименты, было какъ-то неловко, говоръ не позволялъ, да потомъ, пожалуй, финны аттестовали бы драгунъ недостаточно лихими и предприимчивыми!? Своими дѣйствіями и, особенно атаками, мы дали финнамъ въ 1888 г. въ Вильмандstrandскомъ лагерѣ совершенно фальшивое представленіе о дѣйствіяхъ конницы. Атака конницы, особенно на неразстроенную пѣхоту, ве-

дется, благодаря дѣйствительности ружейнаго огня, въ разстояніи 3-хъ и даже 4-хъ верстъ, въ Вильманстрандѣ же военное поле простирается не далѣе, какъ на 1¹/₂ версты. Атака ведется на роту, конечно, частью, не менѣе эскадрона, а тутъ она велась взводиками изъ 20 человекъ. Такъ какъ всѣ атаки были накороткѣ съ 600, 400 шаговъ и даже чуть-ли не съ мѣста, то лошади не могли развить при этомъ и хорошаго карьера (аллюра). Выходило только какое-то вредное для здоровья, тѣла и повода лошадей мотанье ихъ.

Разъ, послѣ подобной безпутной гонки эскадрона моего, въ теченіе чуть-ли не цѣлаго часа, подѣзжаю я къ старшему руководителю, баталіонному к-ру Бремеру или Кремеру, уже не помню, и спрашиваю, что еще прикажете дѣлать, полагая, что онъ уволить насъ домой, не тутъ-то было! К-ръ этотъ изрекъ безстрастнымъ голосомъ: „Теперь скоро кончаемъ, только сдѣлаемъ еще нѣсколько кавалерійскихъ атакъ на отступающую цѣпь, и довольно! Дѣло въ томъ, что подъ Вильманстрандомъ собрано было тогда 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ или 36 ротъ, и на всю эту, сравнительно большую массу пѣхоты, назначено лишь два эскадрона кавалеріи, между прочимъ, даже на одну роту посылается въ атаку не менѣе эскадрона, финны же, по своей, конечно, и понятной на этотъ разъ пунктуальности и педантичности, желали предоставить каждой своей ротѣ практику въ дѣйствіяхъ противъ кавалеріи, отсюда объясненіе производства нами безчисленныхъ атакъ, тѣмъ болѣе, что ученій было за двѣ недѣли нашего совмѣстнаго участія съ финнами, выключивъ праздники и маневръ, очень не много.

Команды у финновъ производились по-русски. Всѣ финскіе офицеры, какъ я уже говорилъ, свободно говорятъ и понимаютъ по-русски, да и не мудрено, большинство изъ нихъ служили раньше въ русскихъ войскахъ, а съ образованіемъ цѣлыхъ восьми своихъ новыхъ баталіоновъ, перешли сюда, здѣсь теперь можно было встрѣтить и бывшихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и артиллеристовъ, все это поспѣшило съ образованіемъ новыхъ частей, повторяю я, перейти на родину и служить дома, хотя бы и въ непривычномъ и незнакомомъ доселѣ родѣ оружія, но лишь бы въ своемъ національномъ войскѣ. Вотъ у кого поучиться силѣ національнаго чувства!.. Положимъ, что и содержаніе офицеры финскихъ войскъ получали значительно большее, сравнительно съ русскими офицерами: к-ры баталіоновъ получали по 12 т. марокъ, поручики по 3 т. мар., остальные всѣ въ такомъ же родѣ.

При финляндской дешевизнѣ, содержаніе офицеровъ выходило очень приличное. Кромѣ того, пенсіонъ финскимъ офицеромъ вы-

служивался уже, начиная съ 15 лѣтъ дѣйствительной службы, у насъ же, какъ извѣстно, лишь съ 25 лѣтъ. Хотя, какъ говорили мнѣ, молодые офицеры могли попасть въ финскія войска не раньше, какъ прослуживши два года въ Россіи, но тогда, въ описываемое время, встрѣчалась молодежь, выпущенная въ нихъ прямо изъ финляндскаго кадетскаго корпуса. Думаю, что какъ первая мѣра, такъ, въ особенности вторая, грѣшила нецѣлесообразностью въ смыслѣ необходимости возможнаго обрусѣнія финскаго офицерства до поступленія его въ ряды собственныхъ финскихъ войскъ. Бѣда вся еще не въ финской національной идеѣ, а въ шведской, которую исповѣдуетъ вся интеллигенція страны, а въ томъ числѣ ея офицеры, идеѣ, значительно намъ болѣе враждебной, чѣмъ первая, составляющая достояніе лишь простого народа.

Шведская идея къ тому же находитъ себѣ поддержку и пропаганду недалеко, въ близъ лежащей отъ насъ сосѣдней, къ счастью нашему, хоть не первостепенной Европейской державѣ. Вотъ и тогда на своемъ вечерѣ сами финскіе офицеры показывали намъ шведскаго капитана генеральнаго штаба, одѣтаго, однако, предусмотрительно въ штатскомъ платьѣ, показывали, какъ своего завсегдатая и имѣющаго среди нихъ много друзей.

Финскіе солдаты въ *pendant* къ своимъ офицерамъ также прекрасно содержаны, всегда щеголевато одѣты и отлично кормлены, послѣднее не мудрено, такъ такъ финскому солдату отпускалось по 12 коп. приварочныхъ въ день въ то время, когда нашему отпускалось всего 4 коп., т. е. ровно втрое больше. Въ солдатское меню входитъ, напр., между прочимъ, картофель въ мундирахъ съ масломъ, съ селедкой или салакушкой.

Про вечеръ, данный русскими артиллеристами, скажу только, что это былъ вечеръ, какъ вечеръ; пили тамъ меньше, чѣмъ у финновъ, такъ какъ вечеръ былъ съ дамами и танцами. Между финскими дамами встрѣчались очень хорошенькія и даже нѣсколько брюнетокъ. Офицеры-финны, особенно постарше, оказались чудными мазуристами. Такая гиперборейская страна, недалеко отъ полярнаго круга, среди апатичнаго и маложизненнаго съ виду населенія — и вдругъ огневая мазурка! Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ.

Пора сказать что-нибудь и о начальникѣ края, и о его семействѣ. Генераль-губернаторъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ и ветхозавѣтнымъ адмираломъ, братомъ своимъ, проводилъ лѣто въ мѣстечкѣ Лаурицъ, въ восьми верстахъ отъ города, на берегу Сайминскаго озера, у начала Сайминскаго канала. Жилъ онъ, конечно, тамъ, какъ царственная особа; дача—роскошь, съ чуднымъ видомъ

на озеро и каналъ, и движеніе на нихъ судовъ. Въ распоряженіи графа имѣлся паровой катеръ съ шестью матросами. При графѣ состояли сразу два адъютанта. Обрѣтались тамъ еще двѣ генераль-губернаторскія дочки, особы уже въ лѣтахъ; красоты немного, но ума и симпатичности, особенно въ наименѣе красивой, кажется, въ старшей сестрѣ,—масса. Барышни, несмотря на царственную обстановку и положеніе, видимо очень скучали по милому Петербургу и по *grand monde*'у и теперешнее свое состояніе считали чуть-ли не ссылкой. Двое же молодыхъ безсодержательныхъ адъютантовъ—скуку барышень, видимо, разсѣять были не въ состояніи. Накормили насъ чуднымъ обѣдомъ. Самъ генераль-губернаторъ хотя и много бодрѣе своего старшаго брата, адмирала, но все-таки порядочно уже осунувшійся, что особенно было замѣтно, когда онъ, въ день маневровъ, насилу взобрался на лошадь,—не лишень еще былъ игривости ума, такъ какъ въ разговорѣ со мной съ первыхъ же словъ совѣтовалъ нашимъ драгунамъ, какъ и раньше стоявшимъ здѣсь казакамъ, посодѣйствовать улучшенію некрасиваго финскаго племени... Послѣ скучнаго крокета и чашки вкуснаго кофе меня съ товарищемъ молодая графиня, въ сопровожденіи обоихъ адъютантовъ, любезно доставили на собственномъ паровомъ катерѣ, по Сайминскому озеру, въ городъ Вильманstrandъ.

Осталось теперь сказать лишь два слова про самый городъ Вильманstrandъ. Онъ былъ тогда очень невеликъ: въ немъ было сче-томъ четыре или пять продольныхъ улицъ и три поперечныхъ. Жителей, кромѣ войскъ, насчитывалось всего 900 человекъ, такъ что съ уходомъ военныхъ городъ совершенно пустѣлъ. Въ городѣ есть: маленькая крѣпость и большая тюрьма, гостиница Абрамова, курзалъ, водолечебница, большая деревянная кирка съ отдѣльною въ видѣ громаднаго очиненнаго карандаша колокольней. Есть еще затѣйливая деревянная башенка для *soup d'oeil*'я, который открывается съ нея на чистенькій городокъ и Сайминское озеро, все въ зеленыхъ островкахъ, — очень красивое. Въ то время строилась еще очень изящной архитектуры гимназія. Характерно то, что всѣ эти постройки да и весь городокъ — деревянные. Есть еще въ городѣ такъ называемый дворецъ. Снаружи онъ очень простоватъ, внутри же изящно убранъ мебелью и всякими издѣліями финляндскихъ фабрикъ. Издѣлія эти напоминаютъ русскія кустарныя. Хороши и тамерфорстскія ткани подъ шелкъ.

Заканчивая свои воспоминанія и бросивъ еще разъ ретроспективный взглядъ назадъ, интересно рѣшить: былъ ли, принимая во вниманіе тогдашніе слухи и особенно все то нехорошее, что проявилось со стороны финлянцева по отношенію къ намъ, русскимъ, за послѣд-

*

ніа двадцать лѣтъ, — былъ-ли пріемъ, сдѣланный финскою страной въ лицѣ ея войска и населенія города Вильманстранда въ 1888 г. нашимъ русскимъ лейбъ-драгунамъ, искренень и душевенъ? Я, какъ старый скептикъ, скажу: кажется, не былъ. — Самый этотъ, такъ сказать, сверхпріемъ, сверхрадушіе и сверхчествованіе уже возбуждали къ себѣ недовѣріе. Въ этихъ сверхдѣйствіяхъ уже проглядывала идея финляндскаго сепаратизма и игра въ иностранную державу. Это былъ не пріемъ близкихъ гостей своего же государства, своей страны, а какъ бы гостей иностранной державы! Кромѣ милого оратора, генерала А., значительно уже обрусѣвшаго на долгой русской службѣ и получившаго на ней даже офицерскій георгіевскій крестъ, и, можетъ быть, еще небольшого количества офицеровъ, вѣроятно относившихся къ намъ, русскимъ, тогда вполне сердечно, безъ всякой задней мысли—громадное большинство финновъ, на мой взглядъ, раздѣляло именно только-что высказанную мною идею сепаратизма и руссофобства.

В. А. Ковалевскій.

